

Эволюция образов Китая в ментальности населения Забайкальского приграничья

© А.В. Жуков¹, Ю.В. Гаврилова²

¹Забайкальский государственный университет, Чита, 672000, Россия

²МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Определено, что системы образов, оценок, ценностей и идеалов жителей конкретного региона составляют региональную ментальность со специфическими характеристиками, обусловленными набором факторов, таких как пространственно-территориальный статус региона (приграничье), характер экономических контактов, политическое сотрудничество, миграции, взаимодействие культур. Выявлены особенности мифологизации образов Китая в разные исторические периоды развития российско-китайских отношений. Проанализирован исторический контекст эволюции образов Китая в ментальности населения Забайкалья от эпохи древнейших цивилизаций до настоящего времени. Установлено, что образы Китая определяются как противоречивые, неоднозначные, характеризуются положительными и отрицательными коннотациями. Доминирование эмоционального окраса образов в позитивную либо негативную сторону детерминировано историческими условиями, развитием политических отношений и включенностью населения в экономический и культурный обмен между странами. Выявлено, что отличием современного мифотворчества о Китае и китайцах в Забайкальском приграничье является трансформация традиционного образа «чужих» в образ «других», которая способствует постепенному преодолению культурных различий и усилению взаимодействия и взаимовлияния между странами. Акцентируется внимание на том, что россияне продолжают воспринимать Китай через призму собственных народных ценностей, в рамках которых образ Китая устойчиво связывается с утилитарными практиками и касается исключительно бытовых жизненных обстоятельств, не затрагивая базовой гражданской идентичности.

Ключевые слова: мифотворчество, ментальность, образы Китая, приграничье, Дальний Восток, Забайкалье, прагматизм, алармизм, идентичность

Стремительное развитие Китая в последние несколько десятков лет сопровождается усилением экономического и социально-культурного взаимодействия данной страны и ее представителей с Россией. Это особенно ясно ощущается на территории российско-китайского приграничья, которая является зоной торговли, политического и культурного сотрудничества России и Китая. Здесь процессы взаимоотношений двух стран проходят очень интенсивно и неизбежно приводят к формированию ментальной среды, в которой распространяются специфические образы Китая и его представителей. Как указывает А.В. Губин, «в приграничных районах, таких как Дальний Восток России и, в частности,

Забайкалье, местное население сталкивается с проявлениями китайской культуры и бизнеса, что создает уникальные представления о Китае» [1, с. 134]. С одной стороны, проблема состоит в том, что в массовом сознании, выражающем ментальность населения российско-китайского приграничья, часто продуцируются образы, носящие мифологический характер, основанный на оппозиции «свой — чужой», и содержащие как позитивные, так и негативные коннотации. В.Г. Туркина считает, что «опасностью превалирования негативных коннотаций в данном случае является затруднение хода межкультурного взаимодействия» [2, с. 136]. С другой стороны, для многих забайкальцев, участвующих в процессах межкультурного обмена, ценности Китая могут стать более значимыми, чем российские, что приведет к переориентации их интересов в сторону близкого соседа. Опасность интеграции инокультурных ценностей в ментальное поле региональной российской культуры усиливается трансформациями в социально-экономической, политической и духовной сферах российского общества. Цивилизационные сдвиги и общественно-историческое развитие меняют механизмы формирования и содержание образов в народной ментальности. Подобные явления требуют дополнительного исследования с целью выявления специфики эволюции образов Китая в массовом сознании населения российско-китайского приграничья с учетом исторического контекста.

Проблематика формирования и эволюции образов в сознании отдельных индивидов и социальных групп включена в концепции ментальности и менталитета. Специфика образов выявляется исследователями, с одной стороны, на уровне сознания масс (национальный менталитет), с другой — на уровне индивидуализированных образов (ментальность личности). Согласно А.Я. Гуревичу, ментальность аккумулирует «коллективные психологические установки народа», «умственный инструментарий и психологическую оснастку», позволяющие народу воспринимать и осознать происходящие вокруг события и самих себя как целостность и действовать как единый механизм [3]. В. Фон Гумбольдт отмечал, что ментальность — это отражение мировосприятия и жизненной реальности индивида, находящегося в определенных региональных условиях, это «форма индивидуализации человеческого духа» [4]. Менталитет определяется как «этнос» ментальности — «культурный очаг», «культурное ядро» или, по мнению Р. Бенедикт, «индивидуальное для каждой культуры соотношение в конфигурации внутрикультурных элементов, связанных некой общей культурной направленностью» [5]. Этнос структурирует образы, представления и идеи в системное единство, которое, начиная со школы «Анналов», исследуется в привязке к пространственному фактору — учитываются территория, природные условия, население, религия, традиции [6]. Специфику образов региональной ментальности детерминирует регион и его хозяйственное, политическое и культурное своеобразие.

Образы в структуре ментальности общества анализируются в контексте транскультуралистского подхода, представители которого определяют ментальность населения регионов как жизненное пространство культуры, как отражение в массовом и общественном сознании синкретического многообразия идеалов, ценностей, верований населения различных пространственных образований [7].

Специфика социокультурного пространства российского и китайского приграничья традиционно привлекает внимание историков, философов, социологов. Среди них следует отметить труды В.Л. Ларина [8], А.В. Лукина [9], В.С. Морозовой [10], указывающих на то, что образ Китая в регионах Дальнего Востока России носит мифологический характер. Однако невозможно считать завершенным исследование образов Китая в ментальности приграничного населения России, так как создание образов является процессом динамичным, многогранным и зависит от различных факторов, включающих экономические, культурные, исторические и политические аспекты. В частности, как доказывает В.Л. Ларин, «современные изменения в отношениях между Россией и Китаем ведут к качественному изменению оценок данной страны на уровне личного опыта населения приграничного региона. Обновление данных о личном опыте необходимо для формирования адекватной картины представлений о тенденциях развития региона в целом» [8, с. 5]. При этом указание на наличие сферы регионального мифотворчества и обсуждение проблем, связанных с влиянием образов Китая, должно способствовать выявлению динамики взаимодействия между странами на уровне повседневной культуры и активизировать поиск выхода из тех противоречий, с которыми в условиях современности сталкиваются представители двух различных, но тесно взаимодействующих культур.

Китайских ученых интересует проблематика формирования положительного образа Китая в России, а также в международном сообществе [11, 12]. Вывод, к которому приходят китайские ученые: Китай в ментальности россиян видится как выгодный экономический партнер и богатейшая страна [13, 14]. При этом выработка стратегий формирования и сохранения положительного образа Китая в ментальности населения российско-китайского приграничья продолжает оставаться центральной темой в трудах ученых. Значительная доля исследований приходится на выявление способов воздействия китайской культуры на население Забайкальского приграничья. Культурное влияние трактуется как фактор «мягкой силы» Китая в России на современном этапе [15]. Таким образом, исследованию формирования и эволюции образов Китая в ментальности населения российско-китайского приграничья посвящено достаточно работ как в отечественной научной мысли, так и в китайской историографии и политических исследованиях. Комплексный анализ работ российских и китайских ученых позволил

определить особенности мифотворчества о Китае в Забайкалье, выявить и изучить предпосылки и причины мифологизации образов Китая и китайцев, определить характер образов и доминирующие коннотации.

Исторические аспекты мифологизации Китая в Забайкалье. Прежде чем перейти к анализу современных процессов формирования мифологических образов Китая, необходимо отметить, что отношение к Китаю в Забайкалье и на Дальнем Востоке России является многослойным, сочетая в себе как положительные, так и отрицательные элементы. Исторический фактор доминирует в формировании неоднозначных образов Китая. В частности, И. Цзян полагает, что в Забайкалье продолжают сохраняться воспоминания о конфликтах и освоении территорий китайцами, что вызывает настороженность по отношению к Китаю. Также китайцы отличаются уникальными культурными чертами, что в приграничных районах России неизбежно ведет к распространению образа «чужих», однако таких «чужих», с которыми можно наладить взаимодействие [16, с. 19]. Влияние образов Китая на население Забайкалья — это свидетельство многовекового диалога между культурами. Оно имеет глубокие корни, уходящие во времена ранних цивилизаций. Как следует из концепции Дж. Элверскога, Забайкалье, расположенное на периферии зоны влияния Китая, на протяжении веков находилось под воздействием китайской культуры, религии и мифологии и, будучи приграничной территорией, играло определенную роль в обмене культур и развитии торговых связей [17]. Забайкалье было местом, где пересекались различные культуры, однако в своем пределе они всегда выходили на рубежи китайской цивилизации, которая, обладая богатой культурой, влияла на приграничные народы в гораздо больших объемах, чем культуры малочисленных, пусть и в будущем коренных, народов Забайкалья. Однако здесь важно отметить: несмотря на то что китайская образность и мифология включают множество богов, духов и мифических существ, на территории Забайкалья в первую очередь уделяли внимание образу самого Китая, а не религиозным проявлениям китайской культуры.

С древности среди народов, заселяющих Забайкалье, распространялись легенды и мифы о Китае как о соседнем государстве, которое воспринималось как загадочное. В частности, в эпоху ранних цивилизаций образ Китая среди народов Забайкалья сочетал противоречивые элементы опасения и уважения, отражавшие отношения между кочевыми и оседлыми цивилизациями, которые, с одной стороны, взаимодействовали как торговые партнеры, с другой — находились в отношениях регулярно возобновляющегося военно-политического конфликта. Таким образом, Дж. Элверског считает, что образы Китая в ментальности его соседей включали представления о богатстве, высоком уровне культуры и одновременно были полны страхами об угрозе с его стороны [17, с. 147].

Не менее сложным был образ Китая в глазах русских поселенцев периода российской колонизации, когда в течение XVII–XVIII вв. наблюдалось военно-политическое противостояние между Китаем и Российской империей, которое сопровождалось военными действиями [18]. При этом данный период знаменовался началом экономического и культурного взаимодействия, в результате которого стал зарождаться образ Китая как выгодного торгового партнера.

В конце XIX — начале XX вв. Китай, переживавший период политического и социально-экономического кризиса, воспринимался в контексте роста антиманьчжурских настроений, которые рисовали образ «древней», но «нищей» страны, переполненной экзотическим, но «отсталым» населением. При этом, как доказывает Н.А. Самойлов, Дальневосточный регион России ощутил постоянную нужду в усилении торговых экономических отношений с Китаем и китайцами, многие из которых расселялись на российских территориях, представляя значительную экономическую силу, роль которой нарастала в течение XX в., вызывая интенсификацию мифотворчества [19].

В советский период в регионе формировался образ Китая как страны, находящейся под влиянием противоречивых тенденций развития, где революционные события получали позитивную коннотацию, а империалистические и националистические проявления провоцировали волны гнева и опасений, указывающих на потенциал «желтой угрозы» и необходимости борьбы с империализмом. Однако все это время помимо образов, рождаемых политическими событиями и конъюнктурой пропаганды, население Забайкалья налаживало активные торговые связи с Китаем. Благодаря этому процессу среди жителей региона формировался устойчивый позитивный образ китайцев как умелых крестьян, рабочих, ремесленников и торговцев [20, с. 802]. Данный образ стал поддерживаться государственной пропагандой после Второй мировой войны и образования социалистического Китая в 1949 г. В официальных кругах СССР началась кампания, нацеленная на распространение образа, согласно которому между странами полностью отсутствовали противоречия, а Китай представлялся как «младший» партнер и стратегический союзник. На фоне общего антиимпериалистического нарратива, характерного для советской политической риторики в период начала 1950-х годов, образ Китая окрасился в самые радужные тона, что, по мнению Е.А. Федосова, оказывало влияние на ситуацию в Забайкалье, где стереотип о «другом» и «экзотическом» Китае заменялся на образ, ядром которого являлись представления о том, что русские и китайцы «братья навек» [21, с. 145].

Однако в 1960–1970-е годы, в период брежневской эпохи, когда советско-китайские отношения стали ухудшаться, официальный образ Китая вновь изменился. Китай начал восприниматься как потенциальный враг. В ментальности населения региона получили распростране-

ние образы Китая как антагониста, ведомого милитаристскими идеалами и планами захвата российских территорий. Интенсивность данного мифологического образа, как показывают результаты исследований В.С. Балакина, зависела не от реальных характеристик китайцев, а от сложного взаимного влияния политики соседствующих стран [22, с. 14]. Поэтому в период перестройки, пришедшийся на 1980-е годы, когда приоритеты внешней и внутренней политики вновь были скорректированы, образ Китая в российско-китайском приграничье претерпел значительные трансформации. В результате перестройки, провозглашенной М.С. Горбачевым, возрос интерес к китайскому опыту экономических реформ. Местное население приграничных регионов начало осознавать возможности, которые открывает Китай в области торговли и экономики. Появление китайских товаров на российском рынке привело к формированию образа Китая как страны, способной предложить разнообразную, яркую, нетипичную для советского образа жизни доступную продукцию. Безусловно, на данный процесс повлияло то, что в это время происходили не только экономические и социальные изменения в СССР, но и трансформации в Китае, что меняло восприятие россиян китайцами.

Современные трансформации образов Китая в сознании населения Забайкалья. В 1990-е годы образы Китая среди населения российско-китайского приграничья формировались под влиянием различных факторов, включая экономические, культурные и политические изменения по обе стороны границы. Этот период характеризуется открытием возможностей. Как пишет Р. Янг, «китайский рынок стал доступен для российских потребителей. При этом Китай очень успешно проводил свои внутренние реформы, став одним из примеров процветающей экономики переходного периода» [23, с. 55]. Китайские товары, как более доступные, начали занимать значительную нишу на российском рынке, что вызывало интерес и восхищение, а также ассоциации с возможностями для торговли, бизнеса и обогащения. Местное население стало воспринимать Китай как источник разнообразных товаров низкого ценового сегмента. Это сформировало образ Китая как «поставщика дешевизны», вследствие чего распространились представления о неограниченных торгово-экономических возможностях, открываемых приобщением к китайской экономике и культуре. Многие россияне начали изучать китайский язык, интересоваться культурой и традициями Китая. Восточная культура, мода, китайская кухня, празднование китайского Нового года, согласно мнению Дж. Вилсона, начали интенсивно проникать в повседневную жизнь населения приграничья [24, с. 47]. Однако здесь доминировали образы и идеи о современной индустриализации и урбанизации, в то время как представления о древней культуре, философии и традициях находились на периферии региональной образности. Действительно важным считалось,

что Китай демонстрировал пример непрерывного экономического развития и укрепления благосостояния граждан. В частности, многие россияне, как указывает Е.А. Тарасова, видели в Китае образец стабильности, так как, несмотря на авторитарные методы политического управления и жесткость в осуществлении мероприятий, направленных на поддержание правопорядка и целостности государственного устройства, в Китае наблюдался неуклонный рост уровня и качества жизни большинства населения. «Также активизировавшийся в это время миграционный поток китайцев в Россию формировал восприятие граждан Поднебесной, как трудолюбивых и мобильных людей, способных вносить вклад в экономику российских регионов» [25, с. 144]. Однако наряду с устойчиво существующими стереотипами, связанными с уважением к трудолюбию и предпринимательскому духу китайцев, на территории региона появились образы, указывающие на них как на людей, склонных к девиантному поведению, нелегальной миграции и даже криминалу. Интенсивные миграции китайцев стали причиной того, что многие жители Забайкальского приграничья начали воспринимать Китай как потенциальную угрозу региональной безопасности. Это приводило к формированию образов Китая с отрицательной коннотацией и распространению среди населения негативных стереотипов, включая опасения по поводу конкуренции для местных производителей, китайской экспансии и территориальных уступок, на которые якобы шло российское правительство с целью получения китайских преференций на внешнеполитической арене. В целом на рубеже XX и XXI вв. распространялся образ Китая, сочетающий в себе как восхищение, так и опасение, сформированные под влиянием исторического опыта, экономических отношений, культурных различий и медийных практик.

В последнее десятилетие между Россией и Китаем устанавливаются стабильные политические, экономические и культурные связи, а проведение ряда совместных программ и мероприятий в регионе российско-китайского приграничья способствует популяризации еще более разнообразных мифологических образов, специфика которых связывается с реалиями современной политической и экономической конъюнктуры. В это время произошли заметные изменения в восприятии Китая. С ростом взаимовыгодного сотрудничества, развитием экономических связей и стратегического партнерства между двумя странами Китай стал видеться местному населению как имеющий большой вес на международной арене и значительный партнер по бизнесу. Тем не менее, позитивное мифотворчество сопровождается оформлением образов негативного характера, источником которых являются неоправданные, по мнению некоторых представителей забайкальского бизнеса, китайские успехи в экономике, политике и социальной сфере. В частности, в Забайкалье и на Дальнем Востоке, где торговля с приграничным соседом приносит значительные выгоды и многие местные жители работают

на китайские компании или участвуют в совместных проектах, Китай воспринимают как важного экономического партнера. Однако продолжают существовать опасения по поводу зависимости региона от китайской экономики и политики.

«Прагматические» и «алармистские» образы Китая. В результате в современных условиях на территории Дальневосточного региона и в частности, Забайкальского края, по мнению авторов статьи, можно фиксировать распространение «прагматизма» и «алармизма», по-разному прогнозирующих будущее российско-китайского взаимодействия в российско-китайском приграничье. К позитивным, «прагматическим» образам, описываемым Нго Ле Зиу Хыонгом, относятся представления об экономических возможностях, связанных с интенсификацией возможного сотрудничества с Китаем в сферах торговли и производства. В частности, Китай воспринимается как экономический гигант мирового масштаба, характеризующийся впечатляющим ростом экономики. Китай сегодня представляется лидером в таких областях, как энергетика, инфраструктура и техника и технологии, которые способствуют выходу на высочайший уровень мирового технологического развития. Поэтому многие забайкальцы видят в Китае источник экономического роста и обогащения. Распространяемые через СМИ представления о мировом лидерстве Китая в инновациях служат основанием того, что китайские инвестиции, торговля и сотрудничество в различных отраслях, таких как сельское хозяйство и промышленность, понимаются как безотказное средство улучшения местной экономики вне учета региональных особенностей производства, потребления и налогообложения [26, с. 262]. Как такое же средство решения проблем развития российской экономики и социокультурной среды сегодня воспринимается китайская модель управления государством, становящаяся образцом для подражания в рамках стереотипического массового мышления, которое утверждает, что авторитарная модель управления Китая является более эффективной, чем те модели управления, которые предлагаются российским государством. Более того, Китай рассматривается как оплот мира и стабильности на территории Дальневосточного и Азиатско-Тихоокеанского регионов, в развитии которых данная страна выполняет конструктивную функцию. «Увлечение» Китаем сопровождается ростом интереса к культуре, театру, кухне, традициям, духовности и практикам оздоровления, присущим культуре этой страны, что вызывает положительные эмоции в отношении перспектив сотрудничества с соседом по границе и способствует формированию более привлекательного образа Китая и китайцев. Китайцы все больше оцениваются как трудолюбивые и целеустремленные люди, но сегодня данная позитивная оценка гиперболизирована. Согласно мнению Дж. Хорста, восхищение Китаем и идеализированные образы китайской экономики,

политики, культуры оказывают влияние на появление отторжения и страха в сознании населения Забайкальского региона [27]. В массовом сознании достаточно прочны образы с «алармистскими» коннотациями. Политика Китая, особенно в контексте его влияния в регионе, вызывает опасения по поводу земельных споров, роста влияния китайских компаний и сращивания экономических и политических целей. К «алармистским» образам в условиях современного Забайкалья относятся опасения, что китайцы могут «захватить» рабочие места или ресурсы (например, вырубка лесов и продажа древесины китайским бизнесменам, целенаправленное уничтожение природных ресурсов с целью развития бизнеса на территории Забайкалья и др.), что вызывает недовольство и настороженность не только среди конкурентов, но и в административных органах. «Алармистские» образы широко распространяются региональными СМИ, которые подчеркивают негативные аспекты взаимодействия с Китаем, такие как экологические угрозы, трудовая миграция, криминал.

Радикальным вариантом «алармистской» мифологемы является утверждение, что недоразвитые территории Дальнего Востока и особенно Забайкалья, входя в зону интересов Китая, неизбежно потеряют независимость сначала в экономической, а затем и политической сферах. При этом, как полагает Р. Ауяма, с экономической мощью Китая идет культурная экспансия, и китайская культура заменит местные традиции, основанием чего является миф о стремлении Китая к полному контролю информационного пространства, включая пространство стран-партнеров [28, с. 21]. Среди аргументов приводятся сведения о том, что российско-китайское приграничье активно развивается в экономическом плане благодаря Китаю, а открытие новых предприятий и увеличение торговли и привлечение инвестиций могут создать новые возможности для местных жителей, что, в свою очередь, изменит их отношение к работе, благосостоянию и предпринимательству, переориентируя на китайскую жизненную реальность. В результате изменятся ценности населения Забайкальского приграничья. Широко распространился миф о том, что увеличение числа китайских граждан, работающих или проживающих в России, может привести к смешению культурных традиций и адаптации российских ценностей к китайским реалиям. При этом по причине того, что китайские товары занимают значительную долю на рынке, интеграция с китайской культурой, языком и традициями понимается как процесс, который активно влияет на мышление и ценности россиян, причем не только в приграничье.

В заключение следует отметить, что эволюция образов Китая в ментальности населения Забайкальского приграничья характеризуется включенностью в исторический контекст и в зависимости от исторического периода развития российско-китайских отношений отличается спецификой. В настоящее время прослеживается тенденция на

доминирование позитивных представлений о Китае, ориентация на тесное сотрудничество с представителями китайской стороны в области экономических, политических и культурных отношений. Образы Китая сейчас настолько идеализированные, что возникает опасность увлечения инокультурными ценностными ориентациями. Однако полная смена ценностных ориентаций россиян в зоне российско-китайского приграничья не произошла. Население приграничных с Китаем регионов продуцирует образы Китая через собственные культурные фильтры, поэтому трансформации в области гражданской идентичности затруднены. Россияне в приграничье воспринимают и интерпретируют китайскую культуру через призму своих собственных ценностей, оценок и идеалов, поэтому для большинства россиян образ Китая устойчиво связывается с *утилитарными практиками*. Образы Китая среди населения российско-китайского приграничья испытывали разнообразные влияния в зависимости от общественно-экономической ситуации, культурных взаимодействий, однако основой на протяжении длительного времени оставался практический опыт, в рамках которого формировался прагматический образ китайца как «другого», сотрудничество с которым необходимо для совместного социокультурного развития.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Губин А.В. Роль приграничного сотрудничества в российско-китайском стратегическом партнерстве. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, 2022, № 1, с. 134–147.
- [2] Туркина В.Г., Туркин К.Е., Вербина О.В. К вопросу о современных мифологемах массового сознания. В сб.: *Экспертное мнение. В 2 ч. Ч. 1*. Пенза, Наука и Просвещение, 2017, с. 135–138.
- [3] Гуревич А.Я. Ментальность как пласт социальной целостности (ответ оппонентам). *Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов»*. Москва, Наука, 1993, с. 49, 50.
- [4] Гумбольдт В. *Язык и философия культуры*. Москва, Прогресс, 1985, 448 с.
- [5] Benedict R. *Patterns of Culture*. Boston, New York, Houghton Mifflin Company, 1934, pp. 36, 37.
- [6] Lefebvre H. *La production de l'espace*. Paris, Anthropos, 1974, 485 p.
- [7] Grondona M., Chkonja I., Inglehart R., Marini M., Harrison L. Typology of Progress-Prone and Progress-Resistant Culture. *The Central Liberal Truth: How Politics Can Change a Culture and Save It from Itself*. New York, Oxford University Press, 2006, pp. 37–38.
- [8] Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Китай в общественном мнении жителей Тихоокеанской России (по итогам опроса 2017 г.). *Россия и АТР*, 2018, № 2, с. 5–33.
- [9] Лукин А.В. *Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках*. Москва, Восток Запад, АСТ, 2007, 598 с.
- [10] Морозова В.С. Трансформация региональной культуры и формирование новой социокультурной идентичности в процессе межкультурного взаимодействия РФ и КНР (на примере Забайкальского края). *Вестник Бурятского государственного университета*, 2010, № 6, с. 95–99.

- [11] Ши А., Ван П. Стратегические нарративы в международных репортажах. *Журнал Сианьского университета Цзяотун (издание по социальным наукам)*, 2018, т. 38, № 1, с. 96–104 (史安斌, 王沛楠. 国际报道中的策略性叙事: 以《纽约时报》的南海报道为例 // *西安交通大学学报 (社会科学版)*).
- [12] Гуань В. Некоторые мысли об изучении международного имиджа Китая. *Международный форум*, 2007, № 5, с. 1–6 (管文虎. 关于研究中国国际形象问题的几点思考 // *国际论坛*).
- [13] Фун Я. О создании современного китайского культурного имиджа и продвижении всеобъемлющей национальной власти. *Социолог*, 2019, № 6, с. 12–20 (冯颜利. 论当代中国文化形象建设与综合国力的提升 // *社会科学家*).
- [14] Ху В. Важность особенности национального характера в процессе экономического роста. *Экономическое наблюдение*, 2014, № 33, с. 24–25 (胡炜青. 国民素质在经济增长过程中的重要性 // *中国集体经济*).
- [15] Хуан В. Формирование имиджа страны и усиление мягкой силы. *Журнал административного института Цзянси*, 2012, № 14, с. 29–32 (黄文冠. 国家形象塑造与一国“软实力”的提升 // *江西行政学院学报*).
- [16] Цзян И. История вопроса о китайско-российской границе и значение его решения для укрепления межгосударственных отношений России и Китая. *Мир русскоговорящих стран*, 2020, № 3, с. 18–36.
- [17] Elverskog J. *Buddhism and Islam on the Silk Road*. Philadelphia, University of Pennsylvania press, 2011, 352 p.
- [18] Скачков П.Е., Мясников В.С., сост. *Русско-китайские отношения (1689–1916). Официальные документы*. Москва, Изд-во восточ. лит-ры, 1956, 137 с.
- [19] Самойлов Н.А. *Россия и Китай в XVII — начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия: дис. ... д-ра истор. наук*. Санкт-Петербург, 2012, 367 с.
- [20] Торопова С.А. Эволюция образа Китая и российско-китайских отношений в советский период. *Теория и практика современной науки*, 2017, № 5, с. 802–807.
- [21] Федосов Е.А. «Вперед к великой цели!»: образ СССР и Китая в агитационных плакатах 1940–1960-х гг. *Вестник Томского государственного университета. История*, 2017, № 48, с. 136–144.
- [22] Балакин В.С., Сяоин Л. КНР И СССР в 1960-е — 1980-е годы: от конфронтации к равноправному сотрудничеству. *Вестник Южно-Уральского государственного университета*, 2016, т. 16, № 1, с. 11–15.
- [23] Yang R. Benefits and challenges of the international mobility of researchers: the Chinese experience. *Globalisation, Societies and Education*, 2020, № 18, pp. 53–65.
- [24] Wilson J.L. Russian and China: Deepening Relations in a Situation of Asymmetry. In: Wegren S. *Putin's Russia: Past Imperfect, Future Uncertain, Seventh Edition*. New York, Rowman and Littlefield, 2018, pp. 247–267.
- [25] Тарасова Е.А. Национальные особенности образа власти в культуре современной России и Китая: сравнительный анализ. *Россия и Китай: перспективы сотрудничества*. Благовещенск, БГПУ, 2012, с. 140–145.
- [26] Нго Ле Зиу Хыонг. Экономическое сотрудничество России и Китая. *Молодой ученый*, 2021, № 2, с. 262–264.
- [27] Horst J.H. *China: promise or threat? A comparison of cultures*. Leiden, Boston, Brill, cop. 2017, 174 p.
- [28] Aoyama R. “One Belt, One Road”: China’s New Global Strategy. *Journal of Contemporary East Asia Studies*, 2016, no. 5, pp. 3–22.

Статья поступила в редакцию 27.10.2024

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Жуков А.В., Гаврилова Ю.В. Эволюция образов Китая в ментальности населения Забайкальского приграничья. *Гуманитарный вестник*, 2024, вып. 6.
EDN CNKOSH

Жуков Артем Вадимович — д-р филос. наук, профессор кафедры «Философия» Забайкальского государственного университета. e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Гаврилова Юлия Викторовна — канд. филос. наук, доцент кафедры «Социология и культурология» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: julia.voitsuk@yandex.ru

Evolution of imaging China in mentality of the Transbaikal borderland population

© A.V. Zhukov¹, Yu.V. Gavrilova²

¹Transbaikal State University, Chita, 672000, Russia

²Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The paper determines that a system of images, assessments, values and ideals of the particular region population constitutes regional mentality with the specific characteristics conditioned by a set of factors, such as spatial and territorial status of the region (borderland), nature of the economic contacts, political cooperation, migration, and interaction of cultures. It identifies features of the China images mythologization in different historical periods of the Russian-Chinese relations development. The paper analyzes historical context of the China images evolution in the Transbaikal population mentality from the era of ancient civilizations to the present day. It establishes that China images are defined as contradictory and ambiguous. They are characterized by the positive and negative connotations. Dominance of the images emotional coloring in positive or negative directions is determined by historical conditions, development of the political relations and population involvement in the economic and cultural exchange between the countries. The paper reveals that the distinctive feature of modern myth-making about China and the Chinese in the Transbaikal borderland lies in transformation of the traditional image of “aliens” into the image of the “others”, which contributes to gradual overcoming the cultural differences and strengthening interaction and mutual influence between the countries. Attention is focused on the fact that Russians continue to perceive China through the prism of their own national values, within which the image of China is consistently associated with the utilitarian practices and concerns exclusively the everyday life circumstances without affecting the basic civic identity.

Keywords: *myth-making, mentality, China images, borderland, Far East, Transbaikal, pragmatism, alarmism, identity*

REFERENCES

- [1] Gubin A.V. Rol prigranichnogo sotrudnichestva v rossiysko-kitayskom strategicheskom partnerstve [Trans-border cooperation within Russia-China strategic partnership]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya — Ojkumena. Regional researches*, 2022, no. 1, pp. 134–147.
- [2] Turkina V.G., Turkin K.E., Verbina O.V. K voprosu o sovremennykh mifologemakh massovogo soznaniya [On the contemporary myths of mass consciousness]. In: *Ekspertnoe mneniem* [Expert opinion]. In 2 parts. Part 1. Penza, Nauka i Prosveshchenie Publ., 2017, pp. 135–138.
- [3] Gurevich A.Ya. Mentalnost kak plast sotsialnoy tselostnosti (otvet opponentam) [Mentality as a layer of social integrity (answer to opponents)]. In: *Spory o glavnom: diskussii o nastoyashchem i budushchem istoricheskoy nauki vokrug frantsuzskoy shkoly “Annalov”* [Disputes about the main thing: discussions about the present and future of historical science around the French school of Annals]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 49–50.
- [4] Humboldt W. *Yazyk i filosofiya kultury* [Language and philosophy of culture]. Moscow, Progress Publ., 1985, 448 p.

- [5] Benedict R. *Patterns of Culture*. Boston and New York, Houghton Mifflin Company, 1934, pp. 36–37.
- [6] Lefebvre H. *La production de l'espace*: monograph. Paris, Anthropos, 1974, 485 p.
- [7] Grondona M., Chkonia I., Inglehart R., Marini M., Harrison L. Typology of progress-prone and progress-resistant culture. In: *The Central Liberal Truth: How Politics Can Change a Culture and Save It from Itself*. New York, Oxford University Press, 2006, pp. 37–38.
- [8] Larin V.L., Larina L.L. Kitay v obshchestvennom mnenii zhitel'ey Tikhookeanskoy Rossii (po itogam oprosa 2017 g.) [Public opinion of the inhabitants of Pacific Russia toward China (according to Survey 2017)]. *Rossiya i ATR — Russia and the Pacific*, 2018, no. 2 (100), pp. 5–33.
- [9] Lukin A.V. *Medved nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII–XXI vekakh* [The bear is watching the dragon. The image of China in Russia in the XVII–XXI centuries]. Moscow, Vostok Zapad Publ., AST Publ., 2007, 598 p.
- [10] Morozova V.S. Transformatsiya regionalnoy kultury i formirovaniye novoy sotsiokulturnoy identichnosti v protsesse mezhkulturnogo vzaimodeystviya RF i KNR (na primere Zabaykalskogo kraya). [Transformation of the regional culture and formation of a new socio-cultural identity in the process of intercultural interaction between the Russia and China (on the example of the Zabaikalskiy Region)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta — BSU Bulletin*, 2010, no. 6, pp. 95–99.
- [11] Shi A., Wang P. Strategicheskie narrativy v mezhdunarodnykh reportazhakh [Strategic narratives in international reporting]. *Zhurnal Sianskogo universiteta Tszyotun (izdanie po sotsialnym naukam) — Journal of Xi'an Jiaotong University (Social sciences publication)*, 2018, vol. 38, no. 1, pp. 96–104.
- [12] Guan V. Nekotorye mysli ob izuchenii mezhdunarodnogo imidzha Kitaya [Certain thoughts on studying the China's international image]. *Mezhdunarodny forum — The International Forum*, 2007, no. 5, pp. 1–6.
- [13] Fung Ya. O sozdaniy sovremennogo kitayskogo kulturnogo imidzha i prodvizhenii vseobshchey natsionalnoy vlasti [On creating a modern Chinese cultural image and promoting comprehensive national power]. *Sotsiolog — Sociologist*, 2019, no. 6, pp. 12–20.
- [14] Hu V. Vazhnost osobennosti natsionalnogo kharaktera v protsesse ekonomicheskogo rosta [Importance of national character features in the process of economic growth]. *Ekonomicheskoe nablyudeniye — Economic Observation*, 2014, no. 33, pp. 24–25.
- [15] Huang V. Formirovaniye imidzha strany i usileniye myagkoy sily [Formation of the country's image and strengthening of soft power]. *Zhurnal administrativnogo instituta Tsiansi — Journal of the Jiangxi Administrative Institute*, 2012, no. 14, pp. 29–32.
- [16] Jiang I. Istoriya voprosa o kitaysko-rossiyskoy granitse i znachenie ego resheniya dlya ukrepleniya mezhgosudarstvennykh otnosheniy Rossii i Kitaya [History of the Sino-Russian border issue and the importance of its solution for strengthening the interstate relations between Russia and China]. *Mir russkogovoryashchikh stran — World of the Russian-Speaking Countries*, 2020, no. 3, pp. 18–36.
- [17] Elverskog J. *Buddhism and Islam on the Silk Road*. Philadelphia. University of Pennsylvania press, 2011, 352 p.
- [18] Skachkov P.E., Myasnikov V.S., ed. *Russko-kitayskie otnosheniya (1689–1916). Ofitsialnye dokumenty* [Russian-Chinese relations (1689–1916). Official documents]. Moscow, Vostochnoy Literaturny Publ., 1956, 137 p.
- [19] Samoilov N.A. *Rossiya i Kitay v XVII — nachale XX veka: tendentsii, formy i stadii sotsiokulturnogo vzaimodeystviya: Dis. ... d-ra istor. nauk* [Russia and China

- in the XVII — early XX century: trends, forms and stages of socio-cultural interaction. Diss. ... Dr. Sc. (Hist.). 07.00.03. St. Petersburg, 2012, 367 p.
- [20] Toropova S.A. Evolutsiya obraza Kitaya i rossiysko-kitayskikh otnosheniy v sovetskiy period [The evolution of the image of China and Russian-Chinese relations in the Soviet period]. *Teoriya i praktika sovremennoy nauki — Theory and practice of modern science*, 2017, no. 5, pp. 802–807.
- [21] Fedosov E.A. “Vpered k velikoy tseli!”, obraz SSSR i Kitaya v agitatsionnykh plakatakh 1940–1960-kh gg. [“Forward to the great aim!”: the image of the USSR and China in propaganda posters of 1940–1960s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal. History*, 2017, no. 48, pp. 136–144.
- [22] Balakin V.S., Xiaoying L. KNR i SSSR v 1960-e — 1980-e gody: ot konfrontatsii k ravnopravnomu sotrudnichestvu [China and the USSR in the 1960–1980th: from confrontation to equal cooperation]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the South Ural State University*, 2016, vol. 16, no. 1, pp. 11–15.
- [23] Yang R. Benefits and challenges of the international mobility of researchers: the Chinese experience. *Globalisation, Societies and Education*, 2020, no. 18, pp. 53–65.
- [24] Wilson J.L. Russia and China: Deepening Relations in a Situation of Asymmetry. In: Wegren S. *Putin’s Russia: Past Imperfect, Future Uncertain*. Seventh Edition. New York, Rowman and Littlefield, 2018, pp. 247–267.
- [25] Tarasova E.A. Natsionalnye osobennosti obraza vlasti v kulture sovremennoy Rossii i Kitaya: sravnitelnyi analiz [National characteristics of power image in culture of modern Russia and China: a comparative analysis]. In: *Rossiya i Kitay: perspektivy sotrudnichestva* [Russia and China: prospects for cooperation]. Blagoveshchensk, BGPU Publ., 2012, pp. 140–145.
- [26] Ngo Le Ziu Huong. Ekonomicheskoe sotrudnichestvo Rossii i Kitaya [Economic cooperation between Russia and China]. *Molodoy uchenyi — Young Scientist*, 2021, no. 2, pp. 262–264.
- [27] Horst J.H. *China: promise or threat? A comparison of cultures*. Leiden; Boston, Brill, cop. 2017, 174 p.
- [28] Aoyama R. “One Belt, One Road”: China’s New Global Strategy. *Journal of Contemporary East Asia Studies*, 2016, no. 5, pp. 3–22.

Zhukov A.V., Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Transbaikal State University. e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Gavrilova Yu.V., Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Department of Sociology and Cultural Sciences, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: julia.voitsuk@yandex.ru